

Ученики Иоанникия и Софрония Лихудов конца XVII–начала XVIII века и развитие книгопечатного дела в России в 1691–1740 годах

Джамия Рамазанова

Abstract: *The Disciples of Ioannikiy and Sofroniy Likhudov and the Development of Book Printing in Russia, 1691-1740.* The article is devoted to the social portrait of several generations of students of Ioannikios and Sophronios Likhudes at the Slavo-Graeco-Latin Academy and the Moscow Greek School, who worked at the Moscow Printing House (Pечатnyj Dvor). The study of the biographies of the Likhudes brothers' students made it possible to identify certain patterns in the development of their careers: during their studies, some of the students were enrolled in the staff of the Printing House (later the Synodal Printing House), where they held the positions of readers, book scribes, and typesetters. Then, after completing the studies, the most capable of them were given greater responsibility, and they moved to the positions of editors (spravschsiki). The article concludes that behind the biographies and works of several generations of students it is possible to see a single socio-cultural phenomenon that largely determined the development of book culture in the country in the Petrine epoch.

Keywords: Slavo-Greco-Latin Academy, Sophronios and Ioannikios Likhudes (Leichoudes), Fedor Polikarpov, Nikolay Semenov, Moscow Printing House, book printing.

Славяно-греко-латинская Академия (далее СГЛА), организованная в 1685 году в Москве под руководством греческих дидаскалов братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, уже в конце XVII - начале XVIII века стала в Русском государстве значимым образовательным центром¹. Здесь впервые в истории страны сформировалась плеяда просвещенных людей, в чьих образовании и опыте сочетались традиционная культура православных книжников с познаниями в гуманитарных науках своего времени и классических языках. Результаты разысканий сведений о количественном составе учащихся СГЛА за неполное десятилетие, когда там преподавали братья Лихуды, позволяют оценить совокупную численность непосредственных учеников греческих дидаскалов почти в 150 человек (Рамазанова 2008а, 353–64), что само по себе

¹ К истории Славяно-греко-латинской Академии исследователи обращались еще с начала XIX века, этой теме посвящена обширная историография. Библиографию до 2004 года см. в работах: Белоброва 1993b, 304–05; Буланин 2004а, 741-43.

Džamilija Ramazanova, Russian State Library, Russian Federation, jamiilara@gmail.com, 0000-0003-1416-1756

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Džamilija Ramazanova, *The Disciples of Ioannikiy and Sofroniy Likhudov and the Development of Book Printing in Russia, 1691-1740*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.11, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 103-127, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

можно охарактеризовать как небывалое прежде для России социокультурное явление. Разумеется, не все из учеников Лихудов в последующем проявили себя на том или ином поприще как знающие и образованные люди, не всем удалось оставить заметный след в культуре. Тем не менее масштаб слушателей, охваченных уроками греческих просветителей, заставляет задаться вопросом о том, где в дальнейшем такие лица могли найти себе применение и каким образом их знания и умения использовали власти.

Настоящая статья — далеко не первая работа, где представлена попытка проследить судьбы учеников Лихудов в связи со значением СГЛА для культурного ландшафта России начала XVIII века, прояснить значение трудов тех или иных учеников для интеллектуальной жизни в эпоху Петра I². Здесь мы рассмотрим одну область деятельности, где оказались востребованы знания и умения воспитанников Иоанникия и Софрония — это книгопечатное дело. Ранее я уже касалась этой темы (Рамазанова 2012), однако тогда были рассмотрены судьбы только трех лиц, учившихся у Лихудов в СГЛА в конце XVII века, а биографии учеников других школ, где Иоанникий и Софроний преподавали позже в XVIII веке, в той статье не обсуждались. Между тем дальнейшие исследования показали, что было бы целесообразно также проследить судьбы учеников Лихудов нескольких поколений, и при этом постараться увидеть в их деятельности интеллектуальную преемственность. Такой исследовательский подход напрашивается потому, что схожее образование, полученное у греческих дидаскалов, должно было сформировать у воспитанников общую систему культурных ценностей, включая отношение к труду книжника.

Мы не задавались целью проследить судьбы всех воспитанников Лихудов, в разное время трудившихся на издательском поприще. Наша цель состояла в другом. Во-первых, на основе архивных разысканий мы постарались реконструировать основные факты биографий ряда учеников Лихудов, связанные с их работой в типографских центрах России. Это касалось как лиц, имена которых хорошо известны в историографии, так и тех, чьи судьбы мало изучены. Во-вторых, за биографиями как творческих людей, так и рядовых исполнителей нужно было увидеть результаты совокупной деятельности, которая определяла особенности функционирования «фабрики» книгоиздательской культуры в России первой половины XVIII века.

Историография XIX века, посвященная СГЛА и деятельности Лихудов, в основном ограничивалась лишь несколькими именами учеников, известными историкам того времени, причем некоторые из лиц были отнесены к этому кругу ошибочно. Так, например, С.К. Смирнов считал выпускником СГЛА Кариона Истомина и полагал, что учеником Лихудов был монах Фео-

² В частности, биографии и труды учеников Лихудов привлекали внимание Д. А. Яламаса (Yalamas 1991/1992) и Н. Хриссидиса (Chrissidis 2016) (я пользовалась русским переводом этой монографии, недавно опубликованной с рядом уточнений по сравнению с английским оригиналом, см. Хриссидис 2023, 229–362). Сведения об учениках Лихудов в Итальянской, Новгородской и Московской греческой школах рассмотрены соответственно в работах: Рамазанова 2019; Вознесенская 2005; Вознесенская 2015 и др.

лог (Смирнов 1855, 75), известный как справщик Московской типографии и корреспондент митрополита Димитрия Ростовского³; того же мнения о Феологе уверенно придерживался и М. Н. Сменцовский (Сменцовский 1899, 352, 356). Однако оба эти утверждения об учебе Кариона Истомина и Феолога у Лихудов не подтверждаются известными источниками⁴.

Вместе с тем с достоверностью установлено, что для некоторых из лучших учеников Лихудов, таких как Петр Постников-старший и Моисей Арсеньев⁵, местом службы после завершения образования стал Посольский приказ. Несомненно, что СГЛА, ставшая за неполные десять лет, как мы можем оценить теперь, важным центром книгописания и переводов с греческого языка⁶, в отдельных случаях могла быть местом подготовки кадров для будущих переводчиков русского дипломатического ведомства. Однако отбор властями таких лиц из СГЛА в Посольский приказ отнюдь не носил массового характера, и в обоих упомянутых выше примерах для определения на службу Петра Постникова-старшего и Моисея Арсеньева решающим фактором, по-видимому, было хорошее знание ими не только греческого и латинского языков, но и итальянского.

С другой стороны, еще в отмеченных работах историков XIX века упоминались ученики Лихудов, биографии которых оказались связаны с Московским Печатным двором — интеллектуальным центром, не менее значимым для русской культуры, чем Посольский приказ. Система управления Печатным двором, условия труда его работников и в целом его роль как книгоиздательского предприятия и успешной мануфактуры, приносившей доход казне, исследована довольно обстоятельно (Дадыкин 2007, 129–70). Также проанализированы сведения о персональном составе и круге занятий лиц, занимавших на Печатном дворе в 1654–91 годах сравнительно высокие должности справщиков (Сиромаха 1999). Тем не менее роль Московского Печатного двора в качестве учреждения, ставшего местом работы и службы многих выпускников СГЛА в годы, когда там преподавали Лихуды, пока, на наш взгляд, изучена далеко недостаточно. Стоит отметить, что деятельность работников Печатного двора, а также преподавателей и учащихся СГЛА до конца XVII века финансировалась из одного центрального государственного ведомства — Приказа книгопечатного дела (за исключением первого года существования

³ О справщике Феологе см. Буланин и Федотова 2004; Федотова 2005, 19–23; о Карионе Истомина см. Сазонова 1993.

⁴ Ни в одном документе о СГЛА нет упоминания Кариона Истомина или Феолога в качестве их учеников. Это уже отмечалось в работах: Федотова 2005, 19; Сазонова 1993, 141.

⁵ О дальнейшем образовании и деятельности П. Постникова-старшего см.: Шмурло 1988; Запольская 1988; Запольская 1993; Д. Гузевич и И. Гузевич 2008, 684 (по указателю); о М. Арсеньеве см. Рамазанова 2019, 67–8.

⁶ Об этом свидетельствуют многочисленные списки рукописей и переводы, созданные в стенах СГЛА учениками Лихудов: см. Яламас 2001; Вознесенская 2008; Рамазанова 2013; Рамазанова 2016; Яламас 2021; Рамазанова 2023а; Рамазанова 2023б и др..

СГЛА, когда Лихуды и несколько их первых учеников получали жалованье из Патриаршего казенного приказа, Рамазанова 2020, 2; Дадыкин 2007, 136). В этом смысле источник финансирования их деятельности показывает, что в глазах властных администраторов второй половины XVII века столичные образовательное и издательское учреждения были тесно связаны.

Заметим, что об аналогичной связи во многом свидетельствуют факты, относящиеся к предшественнице СГЛА — Греко-славянской школе, действовавшей на Московском Печатном дворе под руководством иеромонаха Тимофея (Буланин 2004b) в 1681–87/88 годах. Детально исследовавший историю этой школы Б. А. Фонкич называет ее «Типографской» (Фонкич 2009, 101–73)⁷, отмечая, что по первоначальным планам властей она «должна была готовить справщиков Печатного двора, которые могли бы издавать прежде всего сочинения греческих писателей на языке подлинника и в переводах» (Фонкич 2009, 146). При этом Типографская школа являлась средним учебным заведением, созданным по образцу греческих училищ, существовавших во владениях Османской империи и Венецианской республики (Фонкич 2009, 166–67). Большинство воспитанников Тимофея, окончивших программу обучения в этой школе, начиная с июля 1685 года постепенно перешли сначала в Богоявленскую, а затем в Заиконоспасскую школу братьев Лихудов, став слушателями их уроков уже в учебном заведении высшего типа (Фонкич 2009, 145–46).

Поэтому можно было бы думать, что в отношении целенаправленной подготовки кадров квалифицированных служащих Печатного двора СГЛА под руководством Лихудов изначально оказалась естественной преемницей Типографской школы. Однако в действительности ситуация не была столь однозначной: среди учеников Типографской школы, сведения о которых были выявлены Б. А. Фонкичем, нам не удалось обнаружить лиц, которые были бы приняты на службу на Печатный двор, минуя обучение у Лихудов.

Ученики Иоанникия и Софрония Лихудов уже начиная с первого набора слушателей СГЛА 1685 года были привлечены властями в качестве работников Печатного двора: первым, кого туда приняли на службу в июле 1690 года, стал Федор Поликарпов, затем на Печатный двор поступил Николай Семенов Головин; в 1692 году — Федот Агеев, затем Федор Герасимов, Карп Федоров и другие. Во время преподавания Лихудов в СГЛА их ученики устраивались на Печатный двор почти ежегодно. В целом изучение документов Приказа книгопечатного дела показывает, что Московский Печатный двор стал местом, где с начала 1690-х годов нашли применение своим способностям и знаниям многие слушатели уроков Иоанникия и Софрония Лихудов.

Приведем ниже биографические сведения об учениках братьев Лихудов, которые в разное время были сотрудниками Московского Печатного двора,

⁷ Иногда, впрочем, Б. А. Фонкич называл это учреждение «Типографским училищем» (Фонкич 2009, 121, 146, 150, 166–7 и др.), имея в виду, что там действовало два отделения — греческое и славянское. Оба наименования («школа» и «училище»), насколько известно, приняты в последующей историографии.

обращая внимание на время их учебы в сопоставлении с данными об их служебной деятельности.

Федор Поликарпов, один из наиболее выдающихся учеников Лихудов, заслуживших известность в историографии⁸, поступил на Московский Печатный двор в 1690 году: впервые в июле этого года он упоминается в качестве книгописца Печатного двора (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 84), с сентября в документах на получение жалованья ему был положен оклад «четыре рубли» (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 92. Л. 6 об.) и поденного корма «... на один день по два алтына на день» (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 92. Л. 48). В этой должности он находился до 1694 года, когда после отстранения Лихудов от преподавания в СГЛА Поликарпову и его соученику Николаю Семенову было указано продолжить дело учителей. Об этом, в частности, сохранилось свидетельство самого Федора Поликарпова, сообщавшего в *Историческом известии о Московской Академии*, составленном в 1726 году, т.е. спустя три десятилетия после событий, следующее: «по отрешении же оных учителей от любезнаго им училища, повелено в тех школах учить ученикам их, перваго класса, Николаю Семенову, да Федору Поликарпову, на едином токмо Еллиногреческом диалекте, в котором служении пребыли они токмо двое, подающе Граматику, Пиитику и Риторику, 5 лет и 6 месяцев, из их же учеников мнози были и в переводчиках» (ДРВ 1791, 301). Действительно, назначение Поликарпова и Семенова на место Иоанникия и Софрония Лихудов состоялось 2 сентября 1694 года по указанию патриарха Адриана: «книгописцу Федору Поликарпову [...] ныне быть в школьных полатах, что за иконным рядом и учить учеников» (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д.67. Л. 99 об.). Жалованье новым преподавателям власти положили по 50 рублей в год. Хотя это было втрое меньше размера прежнего жалованья Лихудам, однако по сравнению с ежегодным жалованьем справщиков (наиболее ответственной категорией работников Печатного двора) отличалось только на 10 рублей.

Спустя четыре года власти изменили решение об использовании знаний и умений первых учеников Лихудов, и в течение 1698 года Федор Поликарпов и Николай Семенов были переведены обратно на Печатный двор, теперь уже на должности справщиков. Поликарпову было предписано находиться «у книжного правления в справщиках» 26 марта вместо иеромонаха Тимофея (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 110об.). Поначалу ему было назначено жалованье в прежнем размере 50 руб. в год, однако с 8 сентября следующего 1699 года на основании челобитной Поликарпова, одобренной «начальным человеком» Печатного двора Карионом Истоминым, размер ежегодных выплат Поликарпову вырос: ему было «велено давать на хлеб и на всякий припас» дополнительно «по двадцати рублей в год». При этом в приказном документе особо отмечалось, что жалованье в таком размере «другим справщиком

⁸ О Федоре Поликарпове и его трудах, с указанием библиографии исследований см. Буланин, Зиборов 2004, 105–30). Особо о трезычном (славяно-греко-латинском) букваре Ф. Поликарпова см. Ramazanova 2014, 59–70.

не в пример и не в образец» (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 110 об.). Таким образом, с 1699 года Поликарпов стал получать 70 руб. годового жалования⁹.

Спустя два года Федор Поликарпов, сменив Кариона Истомина, с 15 ноября 1701 года возглавил работы на Московском Печатном дворе в качестве «начального человека» (начальника типографии) уже с годовым жалованием, более чем вдвое превысившим прежние выплаты, и составлявшим 160 руб. (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 119–119 об.). В этой должности обязанности и влияние Поликарпова существенно расширились, и именно с его деятельностью на Московском Печатном дворе связано появление многих изданий, абсолютно новых для книгопечатания в России конца XVII–начала XVIII века.

Исполняя административные обязанности по руководству Печатным двором, Федор Поликарпов оставался активным проводником тех идей и знаний, которые были обусловлены его образованием, полученным в СГЛА у Лихудов. Наиболее ярко это проявилось в его первых трудах, вышедших в начале XVIII века — трехязычных учебных пособиях — *Славяно-греко-латинском букваре* (Москва, 1701, Гусева 2010, 297–99, № 1083; Ramazanova 2014) и *Лексиконе Трехязычном* (Москва, 1704, Гусева 2010, 299–300, №1084; Рамазанова 2009). Новаторство этих трудов Федора Поликарпова состояло в том, что то были первые книги, изданные в Москве тремя шрифтами — латинским, греческим и кириллическим¹⁰.

Славяно-греко-латинский букварь стал первым печатным изданием, излагавшим основы не одного, а сразу трех языков. Для изложения основ латинского и греческого языков Поликарпов следует той же методике обучения, на которой были построены известные ему славянские буквари, изданные ранее в XVII веке. Структура букваря предполагает освоение учащимся чтения параллельно на трех языках. Первоначально для греческого и латинского приводится транскрипция славянскими буквами, затем по мере прохождения материала транскрипция опускается и дается только перевод славянских текстов на греческий и латинский языки (Ramazanova 2014).

В свою очередь *Лексикон трехязычный* оказался первым печатным словарем в России в современном понимании этого вида издания. В нем собрано более 19 тысяч словарных статей (Петрунин 2010, 39). Полагаем, что, взявшись за составление этих пособий и воплотив их в печатных изданиях, Поликарпов руководствовался не только прекрасными знаниями греческого и латинского языков. Несомненно, ему помогало владение методикой обучения языкам, собственный опыт преподавания в СГЛА, а также многолетняя

⁹ Это подтверждается *Ведомостью о справщиках Московской Синодальной типографии за 1683–1729 гг.*, составленной по запросу Св. Синода в 1730 г. (ОДДС 1901, Приложение № VII. Стб. 992). Переиздание документа см. Гусева 2010, 659–60.

¹⁰ Подробно о значении *Славяно-греко-латинского букваря* (Москва, 1701) и *Трехязычного лексикона* (Москва, 1704) как новаторских изданий для московской книгопечатной культуры начала XVIII века, а также их роли в подготовке восприятия русским читателем графического облика появившихся несколько лет спустя книг гражданской печати см. в статье: Рамазанова 2022.

практика редакторской и переводческой деятельности еще со времени обучения у Лихудов.

В целом как глава Печатного двора Поликарпов непосредственно отвечал за выпуск всех книг, выходивших на протяжении почти 30 лет, когда он возглавлял это учреждение. Многие издания Поликарпов редактировал сам, например, первую русскую газету *Ведомости*, выпуск которой начался в 1703 года; участвовал в реформе гражданского шрифта и алфавита 1708–1709 годов, отстояв перед монархом сохранение букв «ξ» и «ψ» в новом алфавите (РГАДА. Ф. 381. № 423). В рамках настоящей статьи мы не ставим целью описать всю разнообразную деятельность Федора Поликарпова на этой должности. Несмотря на существующую обширную историографию эта тема все еще заслуживает отдельного обстоятельного исследования.

Николай Семенов был не менее способным учеником Лихудов, чем Федор Поликарпов, знатоком греческого и латинского языков. В последнее время его биографии, трудам и составу личной библиотеки посвящен ряд работ (Белоброва 1992; Вознесенская 2001; Рамазанова 2006)¹¹. На протяжении нескольких лет учеба и служебная деятельность Семенова и Поликарпова протекали почти синхронно. Семенов был зачислен на Московский Печатный двор чуть позже Поликарпова — 22 сентября 1691 года, при этом он тоже оставался слушателем Академии (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 93. Л. 5 об.). В этой должности Николай Семенов пребывал до 1694 года¹², когда вместе с Поликарповым был назначен учителем в СГЛА вместо отстраненных от преподавания братьев Лихудов (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 99 об.). Вне книжного дела Николай Семенов находился четыре года, и 11 декабря 1698 года, он, как отмечено выше, вслед за Федором Поликарповым был возвращен на службу на Московский Печатный двор, теперь уже на должность справщика, в которой сменил скончавшегося иеродиакона Феофана (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 116; публикация документа: Поздеева, Дадыкин и Пушкин 2007, 107). Вопреки отмеченному выше распоряжению руководства Приказа книгопечатного дела на челобитной Федора Поликарпова о том, что дополнительные выплаты в размере 20 рублей вдобавок к пятидесятирублевому жалованью были даны Поликарпову «другим справщиком не в пример и не в образец», Николай Семенов сразу по поступлении на должность справщика получил такую же прибавку, и его годовое жалованье составило 70 руб. В должности справщика он оставался до кончины, произошедшей около 1716–1717 годов (ОДДС 1901, Приложение № VII. Стб. 992–93).

За время работы в типографии в начале XVIII века. Николай Семенов участвовал в качестве редактора и корректора в повседневной работе над регулярно готовившимися к выходу изданиями кириллической, а затем и гражданской

¹¹ Подробная библиография исследований о Николае Семенове см. в статье: Буланин 2004а, 83.

¹² В документах за 1692–1693 годы он также упоминается среди чтецов (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 94. Л. 47.)

печати. Одним из таких примеров является труд Семенова над знаменитым сочинением Квинта Курция *De rebus gestis Alexandri Magni*, в рукописи перевода которого (РГАДА. Ф. 381. № 1220) сохранилась его правка. С латинского на русский язык труд Курция был переведен по повелению Петра I. Царь хотел увидеть русское издание жизнеописания античного полководца как можно скорее, поэтому глава Монастырского приказа боярин И. А. Мусин-Пушкин, находившийся в отъезде из Москвы осенью 1708 и весной 1709 года, в своих письмах Поликарпову не раз торопил главу Печатного двора: «Курциуша вели, не мешкав, исправлять и печатать. Сие дело есть угодно» (ПБПВ 1951, 938). Перевод впервые вышел в Москве в 1709 году под несколько тавтологичным названием *Книга Квинта Курция о делах содеяных Александра Великого царя Македонскаго* (Быкова и Гуревич 1955, 92, №23), и впоследствии был переиздан в 1711, 1717, 1722 и 1724 годах.

Помимо этого, Николай Семенов был вовлечен и в такое масштабное начинание, организованное в 1712 году по распоряжению Петра I, как исправление славянского перевода текста Священного писания для растянувшейся на годы подготовки нового издания Библии (Гусева 2010, 554), вышедшего в свет спустя десятилетия уже при императрице Елизавете в Санкт-Петербурге (1751 год).

Федот Агеев, соученик Поликарпова и Семенова, также стал сотрудником Московского Печатного двора. Агеев был одним из первых учеников Иоанникия и Софрония Лихудов, он учился у греческих дидаскалов с 1685 по 1694 год в СГЛА (Рамазанова 2012, 123; Рамазанова 2019, 65), куда в 1685 году вместе с соучениками был переведен из Типографской школы иеромонаха Тимофея (Фонкич 2009, 156) сначала в Богоявленскую школу Лихудов, а потом — в Заиконоспасскую школу, в новопостроенное здание, куда переехала Академия. По указу патриарха от 15 ноября 1692 года Федот Агеев стал служащим Приказа Книгопечатного дела, и ему «было велено быть в писцах» вместо Ивана Иванова¹³, а «жалованье и поденной корм учинить ему тож, что было писцу Ивану Иванову» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94. Л. 50 об.). Платить Агееву стали так же, как Поликарпову и Семенову: с 1 декабря 1692 года он должен был получать по два алтына на день, а в год «десять рублей 30 алтын 4 денги» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94. Л. 50 об.). Согласно документам Приказа Книгопечатного дела, Федот Агеев числился в должности писца вплоть до 1697 года. Однако в июне 1697 года ему было рассчитано жалованье только по 22 число этого месяца в размере «рубель восемь алтын четыре денги». Прекращение выплат жалованья было связано с тем, что «он Федот не стал ходить книжному печатному делу и стал быть ослушен» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 102. Л. 46). Однако вскоре имя Федота Агеева встречается в документах

¹³ Сведения о писце Иване Иванове, упоминаемом в документах Приказа книгопечатного дела не позже 1685 года с окладом в 4 рубля, крайне скудны. Остается дискуссионным вопрос о его участии в справе Миней новообрядческой редакции, см. об этом: Крылов 2009, 158–59. Нет доказательных оснований для отождествления этого писца с одноименным учеником Типографской школы и братьев Лихудов (см. Фонкич 2009, 159).

Разрядного приказа уже в качестве ученика Итальянской школы братьев Лихудов. После 1697 года Агеев, судя по известным нам источникам, полностью прекратил службу на Московском Печатном дворе, и занимался переводческой и преподавательской деятельностью в других учреждениях¹⁴. Не позже 9 сентября 1702 года Федот Агеев, состоявший на то время переводчиком с латинского языка в «математических школах», подведомственных Оружейной палате, скончался (Федюкин 2020, 124, прим. 4; Серов et al. 2023, 175).

Немного сведений сохранилось об *Иосифе Афанасьеве*. Однако известно, что и он, еще учась в Академии, поступил на службу на Московский печатный двор. Первоначально Афанасьев учился в Типографской школе иеромонаха Тимофея (Фонкич 2009, 156), затем с 1 июля 1685 года в числе первых пяти учеников перешел в Богоявленскую школу Лихудов (Фонкич 2009, 145; Рамазанова 2008а, 359). В 1694 году указом патриарха от 12 сентября ему было велено «на печатном дворе в правленой полате в книгописцах быть» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 100; Публикация: Поздеева, Дадыкин и Пушкин 2007, 114). По-видимому, назначение Иосифа Афанасьева было связано с тем, что Федор Поликарпов уже не мог продолжать исполнение должности книгописца на Печатном дворе, так как с сентября 1694 года вместе с Николаем Семеновым стал одним из основных преподавателей Академии вместо своих отстраненных от должности учителей. Иосиф Афанасьев известен как переводчик с греческого языка богословско-полюемических сочинений, оставшихся в рукописном виде, однако все осуществленные им переводы, по имеющимся сведениям, выполнялись в сотрудничестве с другими учениками Лихудов (Белоброва 1993а; Буланин 2004а, 727).

Вместе с Иосифом Афанасьевым на Московский Печатный двор был принят еще один ученик Лихудов первого набора — *Федор Герасимов Поletaев* (иногда упоминается в документах как Федор Герасимов). Он тоже был переведен из Типографской школы в Академию и впервые упоминается среди учеников Богоявленской школы 1 июля 1685 года (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 118. Л. 241–241об.). В документах за 1692 год он значится в качестве ученика первого, то есть самого высшего, класса (в документах классы упоминаются также как «учения»: РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94. Л. 55)¹⁵. Спустя два года указом патриарха от 12 сентября 1694 года Федор Герасимов, как и Иосиф

¹⁴ Подробнее о судьбе Федота Агеева после 1697 года см. Рамазанова 2019, 66–7. Как отмечает И. И. Федюкин, Агеев был причислен к Навигацкой школе, организованной в январе 1701 года, управлявшейся дьяком Оружейной палаты Алексеем Курбатовым (Федюкин 2020, 114–24). Несомненно, Агеев был лично знаком Курбатову, однако полагать, что Федот Агеев был к нему особо близок и входил в некий «курбатовский кружок», как это делает Н. Хриссидис (Хриссидис 2023, 355), в отсутствие источниковедческих доказательств представляется мне чрезмерным преувеличением.

¹⁵ До 1690 года СГЛА подразделялась на три уровня (в документах встречаются как синонимы термины «школы», «учения», «палаты», «статги»): низший («исподний»), средний и высший («верхний»). С 1690 года структура СГЛА была изменена и стала подразделяться на пять классов, где низшим по уровню образования стал пятый, а высшим — первый.

Афанасьев, был направлен на Печатный двор служить в Правильной палате книгописцем (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 100). С 1 сентября 1695 года Федору Герасимову было установлено жалованье «против ево брата по окладу по четыре рубли на год и поденного корму по два алтына на день» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 98. Л. 5.). В этой же должности книгописца он упоминался и в документах до 1704 года¹⁶, а в октябре был переведен из книгописцев на должность чтеца в книгохранительную полату (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 128). Известен ряд переводов богословских сочинений, выполненных Федором Герасимовым с греческого языка, и оставшихся в рукописях (Буланина 1998, 257–58). Около 1709–10 годов Федор Герасимов был переведен из Москвы в Новгород в греко-славянские школы к митрополиту Иову, однако, по-видимому, был там задействован не как учитель, а прежде всего как переводчик (Вознесенская 2005, 210). Последнее известное упоминание о Федоре Герасимове в качестве переводчика Новгородской архиерейской школы, где приводится перечень находившихся в его пользовании книг, относится к 1716 году (ОДДС. 1868: Приложение № VIII. Стб. ХСVI-ХСVIII; Салоников и Суториус 2022, 301).

Таким образом, факты служебных биографий пяти из семи первых учеников Иоанникия и Софрония Лихудов свидетельствуют, что они поступили на Московский Печатный двор, еще продолжая учебные занятия в СГЛА. При этом существенно, что воспитанники Лихудов изначально получили на Печатном дворе должности не рядовых наборщиков, а заняли важные позиции книгописцев и чтецов. В последней четверти XVII века на Печатном дворе численность книгописцев не превышала двух-трех человек, а чтецов — одного человека (Дадыкин 2007, 145). Двое лучших учеников греческих дидаскалов вскоре после начала службы получили повышение, став справщиками. Численность лиц, занимавших ключевые должности справщиков, с 1695 по 1720 год колебалась в пределах от трех до шести человек, а об особо ответственном характере этих должностей свидетельствует высокий уровень их жалованья (ОДДС 1901, Приложение № VII. Стб. 990–94)¹⁷.

Привлечение учеников СГЛА к службе на Московском Печатном дворе на разных должностях отнюдь не ограничивалось слушателями Академии перво-

¹⁶ Согласно документам тех лет, размер его жалованья оставался прежним (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 102: Л. 5об., 46об.; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 4. Л. 52; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 9. Л. 46, 90; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 12. Л. 6об., 13, 17, 21; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 18. Л. 6, 88; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 21. Л. 71об.; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 24. Л. 83).

¹⁷ Из данных, приведенных А. В. Дадыкиным, может возникнуть впечатление, что максимальная численность справщиков на протяжении последней четверти XVII века в отдельные годы могла составлять даже восемь человек (Дадыкин 2007, 145). Однако восемь справщиков привлекались к работе на Печатном дворе лишь единожды в 1685 году, когда готовилось новое издание годового комплекта служебных Миней, причем отдельная группа из четырех справщиков работала отдельно в Чудовом монастыре, а не в Правильной палате на Печатном дворе. См. подробнее: Крылов 2009, 152–61. Восемь справщиков указаны под 1685 (7193) годом в отмеченной выше ведомости за 1683–1729 годы, составленной в 1730 году (ОДДС 1901, Приложение № VII. Стб. 990–94).

го набора. Приведем ниже биографические сведения о нескольких учениках Лихудов из СГЛА и Московской греческой школы, где преподавали дидаскалы и их преемники. Общим в судьбах этих людей стало не только полученное образование, но и тот факт, что их явно незаурядные знания и навыки нашли применение в главном книгоиздательском центре России конца XVII — начала XVIII века.

Карп Федоров упоминается в документах Приказа книгопечатного дела в качестве ученика СГЛА с 1686 года (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 86. Л. 52). В 1692–93 годах он числился среди учеников «второго учения» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94, Л. 56). С 1695 года Карп Федоров значился среди книгописцев Московского Печатного двора и получал полугодовое жалованье в размере пяти рублей (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 98. Л. 5об.). С 1696 года Карпу Федорову установлен оклад по 2 алтына на день (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 102. Л. 5 об.). В этой должности Карп Федоров продолжал работать и в начале XVIII века, когда он упоминается в документах за 1704–1705 годы. Например, вместе с другими служащими Печатного двора Ларионом Васильевым, Федором Герасимовым и Алексеем Дмитриевым кроме обычной работы он выполнял также и дополнительные поручения, за что все они получали разовые выплаты. В частности, в 1704 году ими были сделаны списки переводов с греческого языка на славянский богословских сочинений Мелетия Сирита, Симеона Фессалоникийского и других¹⁸.

Ларион Васильев упоминается среди учеников средней школы уже в 1688–1689 годах (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 89. Л. 58, 64 об.). В 1690 году был учеником «4-го учения» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 92. Л. 55). В 1697 году значится в документах среди учеников «первого учения». В 1698 году Ларион Васильев был старостой «школьной палаты рускаго учения» и его жалованье было таким же, как и писцов Печатного двора — по два алтына на день (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 99. Л. 51). С 1703 года в документах приказа он упоминается в качестве книгописца (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 18. Л. 6 об., 52, 81об.), затем переведен на должность чтеца, в которой упоминается до 1711 года (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 50. Л. 5об.) В 1710 году Федор Поликарпов уменьшил его поденный корм в два раза в связи с «его к книжному чтению не хождение» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 55. Л. 28).

¹⁸ В прошении Федорова, Васильева, Герасимова и Дмитриева, где они ходатайствовали о вознаграждении за дополнительные труды, говорится: «велено нам написать кроме нашей обычной работы в десть две книги: одна Мелетия Сирита, а другая — Симеона Фессалоникского да три книги в поддесть [...]» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 24. Л. 83об.). Без сомнения, в документе речь идет о переводах, сделанных с греческого языка известным книжником XVII века, бывшим справщиком Московского Печатного двора Евфимием Чудовским и учениками Лихудов, сочинений Мелетия Пигаса, вышедшего в Бухаресте в 1690 году (Συρίγος Μελέτιος. Κατὰ τῶν καθ'ἑνικῶν κεφαλαίων [...] Κυρίλλου του Λουκάρεως [...] Δοσιθέου [Νοταρά]. Εγχειρίδιον [...] Ἐν Μποκοῦρέστη, 1690) и Симеона Солунского, опубликованного в 1683 году (Συμεῶν ἀρχ. Θεσσαλονίκης. Κατὰ αἰρέσεων [...] Μάρκου Εὐγενικοῦ [...] Ἐξήγησις τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀκολουθίας [...] Ἐν Γισίῳ, 1683) (Strakhov 1998, 148–55).

Как и Карп Федоров, а также некоторые другие сотрудники Печатного двора, Ларион Васильев нередко привлекался к дополнительным трудам по переписке книг, которые предполагалось готовить к изданию. За эту работу соответственно выплачивалось разовое добавочное вознаграждение, однако с годами нагрузка, по-видимому, только возрастала. В связи с этим в 1708 году, уже будучи чтецом, Васильев по распоряжению главы Монастырского приказа И. А. Мусина-Пушкина за «излишнюю в русском и иноземском деле работу» получил «к прежнему поденному корму» прибавку в размере «две денги на день» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 147об.).

Стефан (Степан) Ермолаев впервые упоминается в документах¹⁹ 23 декабря 1683 года, когда он уже числился учеником 3-й «статьи» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 111. Л. 248) Типографской школы (Фонкич 2009, 157). Дальнейшая биография Ермолаева связана с обучением в СГЛА, куда, вероятно, он перешел в 1687 году в связи с открытием здания в Заиконоспасском монастыре. В первоначальной структуре деления на классы СГЛА Ермолаев сравнительно быстро преодолел два уровня, и с 1 марта 1688 года упоминался в документах в качестве ученика «верхней палаты» Академии (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 88. Л. 55 об.; Рамазанова 2008а, 353–64). Дальнейшее образование Стефана Ермолаева в изменившейся структуре деления СГЛА на пять классов растянулось на годы: в 1690 году Стефан Ермолаев числится учеником «3-го учения» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 92. Л. 54) с тем же жалованьем; в 1692–1693 годах он относится к ученикам «2-го учения» с жалованьем в «пять денег» на день (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94. Л. 56.). В 1696/1697 году он — ученик «1-го учения» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 102. Л. 51). К середине 1697 года он уже освоил весь курс читавшихся в то время в СГЛА дисциплин, и «бил челом» о продолжении обучения уже в Итальянской школе Лихудов в Москве, учеником которой стал 7 августа 1697 года (Рамазанова 2019, 75). Там Ермолаев учился почти все время существования школы и на протяжении двух с половиной лет регулярно посещал занятия. Началом февраля 1700 года датируется последний документ, где Стефан Ермолаев упоминается учеником 1-й статьи Итальянской школы в числе тех немногих, кто «по итталиански читать и писать и говорить навычны и уже в конце большого синтаксиса грамматического идут» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 773. Стап. 3. Л. 166). Таким образом, освоение Стефаном Ермолаевым греческого, латинского, итальянского языков, а также гуманитарных наук заняло в совокупности не менее 15 лет, и только по прошествии этого времени он был принят на службу. Ермолаев был зачислен на Московский Печатный двор 5 января 1702 года, когда ему было предписано служить книгописцем «в правиленной полате» с жалованьем «по шести денег человеку на день да по книге от выходу» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 122). В этой должности в документах приказа он упоминается и в последующие годы (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 12. Л. 13об., 17, 23).

¹⁹ Подробнее о Стефане Ермолаеве см. в статье: Рамазанова 2019, 74–6.

Однако к службе на Московском Печатном дворе привлекались не только ученики братьев Лихудов по СГЛА. Как известно, в XVIII веке Лихуды не были учителями Академии: Иоанникий Лихуд до 1716 года преподавал в Новгородской школе митрополита Иова (Вознесенская 2005), Софроний Лихуд до 1722 года — в Греческой школе в Москве (Вознесенская 2015). Среди слушателей Московской греческой школы Софрония Лихуда, поступивших на службу на Московский Печатный двор, отметим двух — *Алексея Барсова* и *Ивана Григорьева*.

Имя *Алексея Кириллова Барсова* связывает два поколения учеников Лихудов. Как показала И. А. Вознесенская, вопреки существовавшему на протяжении долгого времени в историографии мнению о том, что Барсов, учившийся еще в Типографской школе, а затем у Лихудов в СГЛА, и директор Синодальной типографии в 1731–32 годах — это одно лицо, такая точка зрения ошибочна (Вознесенская 2003). Она опровергается рядом хронологических противоречий, наиболее явное из которых состоит в том, что, согласно версии об отождествлении двух Алексеев Барсовых, этот соученик Федора Поликарпова и Николая Семенова, учившийся у Лихудов еще в 1680-х годах и в 1690-х годах переводивший вместе с ними с греческого на славянский язык сложные богословские труды, почти 30 лет спустя по неизвестным причинам вновь приступил к освоению основ греческого языка уже в Московской школе Софрония Лихуда в 1710-х годах²⁰. Можно заметить, что к тому времени начинавшие одновременно с ним Поликарпов и Семенов уже не только закончили обучение, но и добились немалых карьерных успехов на книгоиздательском поприще. Несомненно, эти сведения сообщают о двух соименных лицах разного возраста, которые, согласно заключению И. А. Вознесенской, скорее всего «были братьями, сыновьями Троицкого иерея Кирилла» (Вознесенская 2003, 13). Мы в полной мере согласны с выводом исследовательницы о неправомочности отождествления двух Алексеев Барсовых, тем более что это подтверждается записью рукой Николая Семенова в греческом списке *Логики*, сообщавшей о том, что ранее рукопись находилась в обладании «умершаго диакона Алексия соученика моего»²¹. Этим человеком мог быть только Алексей Барсов-старший.

Итак, службу на Московском Печатном дворе, а затем в Московской Синодальной типографии следует соотносить с именем Алексея Барсова-младшего. Приблизительно с 1708 года он начал свое обучение в Греческой школе Софрония Лихуда в Москве, с 1712 года начал исполнять роль старосты («надзирателя») в младших классах, за что получал повышенное жалованье (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 69. Л. 13, 20об., 24об.). В 1718 году был назначен

²⁰ Ряд исследователей, касавшихся жизни и трудов Алексея Кириллова Барсова, не учитывали эти обстоятельства, из-за чего биографии двух соименных лиц оказались соединены. Например: Сазонова 1988; Рыбалко 2002 и др..

²¹ Запись помещена на обороте верхней крышки переплета рукописи: РНБ. Ф. 573 [СПбДА]. Б.П.3.

вторым учителем в Греческую школу под началом Софрония Лихуда с жалованьем «по гривне в день» (РГАДА, ф.1182. Оп. 2. Д.141а. Л. 16), параллельно продолжая обучение в ней в классе логики (Вознесенская 2003, 12).

Еще будучи учеником и «надзирателем» в Греческой школе, Алексей Кириллов Барсов привлекался к работе на Московском Печатном дворе, с 1716 года он упоминался в качестве чтеца Печатного двора, и в его обязанности в том числе входили работы по копированию перевода *Географии генеральной*, выполнение которого было поручено Федору Поликарпову (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 66. Л. 43, 69–70), а также с 1717 года он участвовал в исправлении книг Библии (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 66. Л. 21). В 1721 году Алексей был переведен на должность справщика, сначала с жалованьем 60 руб., а с 1722 по 1725 год — уже 101 рубль (Гусева 2010, 627). Будучи сотрудником Печатного двора, Алексей Барсов в 1720–23 годах под руководством комиссии в составе Феофиakta Лопатинского, Софрония Лихуда и Федора Поликарпова также занимался повторным (после полученных от Петра I замечаний) пересмотром и исправлением Библии, однако комиссия успела пересмотреть не всю Библию, а только Пятикнижие и Книгу Иова.

Основной труд Барсова в это время как переводчика выполнен по прямому указанию Петра I: это перевод *Аполлодора грамматика аффинейского библиотеки или о богах*; завершен 19 июля 1723 года и напечатан спустя полтора года тиражом 300 экземпляров с двумя предисловиями — Феофана Прокоповича и переводчика. Точный источник перевода не установлен (Сазонова 1988). Другие переводы, осуществленные Алексеем Барсовым с греческого языка, не были опубликованы. В частности, в 1717 году он переводил *Божественную литургию святого Иакова апостола* (список: РНБ. Ф. 573 [СПбДА]. II.213); в 1720 году — *Картину ученика Сократа Кебета из Фив, озаглавив перевод Кевита Фивеанина, философа платонического, д(о)ска о правом состоянии жизни человеческия* (списки: РГБ. Ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова). № 204; РГБ. Ф. 711 (собр. А. П. Гранкова). № 74).

Затем с 1725 по 1731 год Барсов вновь был привлечен к преподаванию: 9 марта 1725 года по приказу протектора школ и типографий Гавриила Бужинского назначен учителем греческого языка на место Афанасия Скиады в Греческую школу, которая 11 марта того же года переведена в Славяно-латинскую (будущую Славяно-греко-латинскую) Академию (Вознесенская 2015, 384).

8 мая 1731 года после смерти Федора Поликарпова Алексей Кириллов Барсов по распоряжению Синода был назначен директором Московской Синодальной типографии. Ему было установлено такое же жалованье, как у умершего предшественника — 200 рублей в год (Гусева 2010, 960). На новой должности Барсов быстро стал предпринимать усилия по улучшению работы и расширению штата типографии, так, 9 июля 1731 года он подал в Синод доклад о состоянии типографских дел с предложением определить четырех писцов и чтецов (Гусева 2010, 680).

Однако Алексей Барсов возглавлял Синодальную типографию недолго: в августе 1732 года был взят под арест в Тайную канцелярию (Чистович 1868, 338–39; ОДДС 1902, Стб. 510. № 266/4). Он обвинялся в том, что читал ру-

кописные тетради «о поношении» Феофана Прокоповича и поддерживал связи с архимандритом Маркеллом Радышевским, обвинявшим Феофана в неправославии. Согласно показаниям директора Санкт-Петербургской типографии Михаила Аврамова, Барсов утверждал, что книга Феофана Прокоповича *Христовы о блаженствах проповеди толкование* (напечатана в типографии Александро-Невского монастыря в 1722 году) «сочинена неправильно», так как содержит богословские ошибки (Чистович 1868, 338–39). Барсов был заключен в Петропавловскую крепость, где скончался в 1736 году (Чистович 1868, 499; Вознесенская 2003, 13).

Еще одним учеником Греческой школы, поступившим на Печатный двор, был *Иван Григорьев*²². 1 мая 1715 года он был принят на должность книгописца (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 190; Браиловский 1894, 24).

Иван Григорьев происходил из семьи московской «Дрогомиловской слободы Божоявленского попа» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 130. Л. 183). В качестве ученика Московской греческой школы в документах Приказа книгопечатного дела Иван Григорьев упоминается с января 1711 года (РГАДА Ф. 1182. Оп. 2. Д. 60. Л. 5 об.). Там же учился его родной брат Андрей (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 110. Л. 103 об.), который, однако, не сделал карьеры на Печатном дворе. В 1716 году Иван Григорьев был студентом школы риторики (Вознесенская 2004, 149; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 130. Л. 140), в 1718 году изучал логику.

Как и его предшественники по СГАА, Иван Григорьев был привлечен к работе на Московском Печатном дворе еще в годы обучения у Софрония Лихуда: 1 мая 1715 года ему было указано «быть в Типографии писцом» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 19; Браиловский 1894, 24). В этой должности, судя по всему, он оставался до 1719 года, когда стал упоминаться как чтец (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 66. Л. 63 об.). В качестве книгописца и чтеца Григорьев с 1715 года принимал участие в подготовке к изданию славянской Библии, за что получил 5 руб., а также участвовал вместе с Алексеем Барсовым в переписывании перевода *Географии генеральной* (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 66. Л. 35а об., 45; Гусева 2010, 554, 826). В 1720 году Иван Григорьев получил должность справщика с окладом 70 руб. (Гусева 2010, 660), что превышало размер годовых выплат двум другим справщикам (монахам Феолугу и Иосифу) и, по-видимому, было связано с его знанием греческого языка. С 1722 года, оставаясь справщиком, Григорьев получил надбавку к окладу в размере 40 руб. (Гусева 2010, 660). Одна из книг, справу которой осуществлял Григорьев в это время, был *Служебник*, изданный в Москве в октябре 1723 года. Об этом свидетельствуют записи на корректурном экземпляре издания (Гусева 2010, 398).

В январе 1724 года Григорьев был направлен в Санкт-Петербург в Синодальную типографию (Гусева 2010, 597, 625), где несколько лет продолжал выполнять обязанности справщика и переводчика с жалованьем 140 рублей

²² Некоторые сведения об Иване Григорьеве и его деятельности приводились нами ранее: Рамазанова 2008b, 175–85; Рамазанова 2014, 323–34.

(Гусева 2010, 598). В петербургский период службы в Синодальной типографии в 1727 году Иван Григорьев перевел в греческого языка на русский сочинение иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотары *Διδασκαλία ὠφέλιμος περὶ μετανοίας... Συνταγματικὸν πρὸς πάντας χριστιανούς* (с венецианского издания 1724 года), в переводе озаглавленное *Учение полезное о покаянии и исповедании веры...*²³. Перевод Григорьева не был издан, однако в течение XVIII века получил распространение в списках²⁴. Не позже середины февраля 1728 года в связи с закрытием типографии в Санкт-Петербурге Иван Григорьев вернулся к аналогичным обязанностям справщика и переводчика в Москве (Гусева 2010, 640, 658, 660). За обязанности справщика ему вновь платили 70 руб., а в декабре 1729 года Григорьеву, единственному из справщиков, по определению Синода было решено «в прибавку за излишние труды в переводе греческих писем, на каждый год давать по 50 руб.» (Гусева 2010, 660), и в результате его жалованье стало составлять 120 руб. ежегодно. В Москве Ивану Григорьеву вновь было поручено сделать перевод с греческого языка сочинения иерусалимского патриарха Хрисанфа: на этот раз пришлось переводить книгу *История и описание Святой Земли и Святого Града Иерусалима*, вышедшую на языке оригинала в Венеции в 1728 году (Рамазанова 2014, 330–34). Источники нам позволяют уточнить время, на протяжении которого Иван Григорьев осуществлял перевод, переложением на русский язык произведения Хрисанфа он занимался с 6 октября 1731 года по 4 августа 1732 года, когда представил результат своего труда в контору Синода в Москве, а 22 августа 1732 года перевод был отправлен в Санкт-Петербург (ОДДС 1903, № 386. Стб. 580; №453. Стб. 681). На настоящее время известно три списка этого перевода, однако он также не был издан (Рамазанова 2014, 330–34; Поляков 2022). В июле 1739 года Иван Григорьев представил в Синод показания об обстоятельствах осуществления славянского перевода Библии и причинах перерывов в этой работе (Гусева 2010, 555). Обязанности справщика и переводчика Московской Синодальной типографии Иван Григорьев продолжал исполнять до конца жизни, некоторое время оставаясь единственным справщиком. К моменту его смерти 13 марта 1740 года других справщиков в Московской Синодальной типографии не осталось (ОДДС 1908, Стб. 233. № 214/449).

Со смертью Ивана Григорьева в 1740 году завершилась преемственность поколений учеников Лихудов — сотрудников Московского Печатного двора, затем Синодальной типографии, начавшаяся в 1691 году, когда первым служащим столичного книгоиздательского центра стал Федор Поликарпов. Закончилась почти полувековая связь с Печатным двором людей, объединенных схожим образованием, знаниями и в целом интеллектуальной куль-

²³ Подробнее об обстоятельствах создания и бытовании этого перевода см. в статье: Рамазанова 2014, 322–30.

²⁴ В хранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова, Саратова и Киева нами было выявлено семь таких списков (Рамазанова 2014, 327–28).

турой, которая выстраивалась в системе книгопроизводства России прежде всего благодаря урокам греческих дидаскалов. Как мы видели выше, начиная с биографий Федора Поликарпова и Николая Семенова наблюдалась определенная закономерность складывания служебных карьер учеников Лихудов: еще во время учебы в СГЛА, а затем в Греческой школе, часть студентов зачислялась в штат Печатного двора (позже — Синодальной типографии), где они занимали должности чтецов, книгописцев, наборщиков²⁵. Затем после завершения курса наук на самых способных из них возлагалась большая ответственность, и они переходили на должности справщиков. Кроме основных обязанностей, непосредственно связанных с книгопечатным делом, ученики Лихудов многократно привлекались светскими и духовными властями к переводам с греческого и латинского языков, копированию рукописей и другим сопутствующим трудам. В этом отношении воспитанники Иоанникия и Софрония повторили путь книжника второй половины XVII века. Евфимия Чудовского, создав значительный по объему пласт переводной литературы, причем многим из оставленных ими в рукописях произведений по разным причинам так и не удалось пробиться к печатному станку.

На протяжении первой четверти XVIII века ученики Лихудов, получившие образование как в СГЛА, так и в Греческой школе Софрония, в некоторые годы даже численно преобладали в штате Московского Печатного двора над прочими сотрудниками. При этом воспитанники Лихудов занимали разнообразные по статусу позиции (как административные, так и редакторские и производственные), однако все они так или иначе были связаны с интеллектуальной деятельностью, состоя в должностях от начальника Печатного двора (директора типографии) и справщиков до наборщиков²⁶. Пользуясь случаем, отметим, что наборщики при поступлении на службу должны были давать своеобразное обещание, от них требовалось «будучи ... у того государева книжного Печатного дела того государева дела не остановить, делать своею братьею в равенстве, не пить и не бражничать и с воровскими людьми не знатца, и государевы казны не покрасть...» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 48а Л. 102 об.).

²⁵ Заметим, что в документах одного и того же времени встречаются упоминания об одних и тех же лицах, как о чтецах или писцах: по-видимому, это означало, что один и тот же человек мог получать кроме основного своего оклада и жалованья, также и разовые выплаты за работу по подготовке конкретных часто более сложных изданий и в этих случаях они могли исполнять иные обязанности в зависимости от того над какими изданиями им поручалось работать.

²⁶ Как правило, писцы, чтецы и справщики указывались в документах Приказа книгопечатного дела поименно, однако в случае с наборщиками ситуация иная: имена их приводятся гораздо реже. Так, например, в документах за начало 1700 годов фигурирует старший наборщик Алексей Корнилов, получавший жалованье за других наборщиков, имена которых в ведомостях опускались (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 3. № 205. Л. 3–4). Изучение архивных документов позволяет заключить, что наборщик Алексей Корнилов был выпускником СГЛА, и привлекался к подготовке издания *Славяно-греко-латинского букваря* (1701 г.), *Лексикона трехязычного* (1704 г.), а также *Арифметики* Леонтия Магницкого (1703 г.).

Постепенное привлечение на службу в книгоиздательское ведомство значительного числа учеников Лихудов позволяет увидеть тесную связь истории книгопечатания петровского и постпетровского времени с деятельностью СГЛА и Греческой школы Софрония Лихуда, и, таким образом, опосредованно и с самими Лихудами. Не приходится сомневаться, что в эпохи царствований Петра I и его ближайших преемников было трудно, если вообще возможно, найти в России более подходящую группу людей, объединенных общим незаурядным образованием, включая познания в греческом и латинском языках, и способных реализовать сложные книгоиздательские начинания того времени. Еще раз подчеркнем: бывшие воспитанники греческих дидаскалов занимали на Печатном дворе (а позже также в Синодальной и Санкт-Петербургской типографиях) различные должности от руководящих до рядовых, и тем самым от одних учеников Лихудов зависело инициирование и продвижение издательских проектов, а от других — соответствующий уровень их реализации.

В то время, когда ученики Лихудов трудились на Московском Печатном дворе, произошла существенная смена репертуара изданий, ставшая одним из многих проявлений культурной политики, проводившейся по воле Петра I. Как известно, эти изменения особенно ярко проявились после инновационных преобразований азбуки и внедрения гражданского шрифта, наглядно представленных российскому читателю в книгах, изданных на Печатном дворе начиная с 1708 года. Однако еще до целенаправленного внедрения в книгоиздательское дело инноваций, связанных с публикациями гражданским шрифтом, означенные изменения становятся заметными по мере того, как должностные позиции на Печатном дворе постепенно занимают ученики Лихудов.

В период с июля 1690 года, когда на Печатном дворе получил штатную должность первый из учеников Лихудов Федор Поликарпов, до конца 1700 года было выпущены 72 наименования кириллических изданий, а с 1701 по 1708 год — уже 97²⁷. Однако не только и не столько количественные данные характеризуют произошедшие перемены. Большинство наименований изданий кириллического шрифта, опубликованных как в последнее десятилетие XVII, так и в первое десятилетие XVIII века, по-прежнему составляют книги богослужебного и богословского характера: служебные Минеи, Псалтири, Триоди, Октоихи, Ирмологии, а также, например, учительное и толковое Евангелия, двухтомный годовой комплект Пролога, Шестоднев, собрание поучений раннехристианских и древнерусских духовных писателей под названием *Сборник из 71 слова*, и т.п. Однако в ряду этих книг, преимущественно с начала XVIII века, уже появляются совершенно новые по содержанию и оформлению издания, отражавшие преобразования в политической и военной областях, происходившие по воле монарха. Это становится тем более явным после ухода в 1701 году с руководящей должности на Печатном дворе Карина Истомина, которого сменяет Федор Поликарпов. В восприятии властей, и прежде всего самого Петра I, преобразования требовали символического и

²⁷ Подсчитано нами по Зернова 1958, 121–36 (№ 427–98); Гусева 2010, 1129.

пропагандистского оформления²⁸, и потому на Печатном дворе были созданы такие издания, как *Краткое обыкновенное учение, с крепчайшим и лучшим растолкованием [в строении пеших полков]...* (1699, 1702, 1704), *Ектении о победе на супостаты христоименитому воинству* (1702, 1703), *Торжественная врата, вводящая в храм бессмертных славы, непобедимому имени* (1703), *Толкование вратам пред двором А. Д. Менишкова* (1704), *Преславное торжество свободителя Ливонии* (после декабря 1704 года), *Свобождение Ливонии и Ингерменландии отечества росска* (после февраля 1705 года), *Диплом на княжеское достоинство А. Д. Менишкову* (1707), *Духовное на брань вооружение воинству православному благопотребное* (1708), и др. Помимо этого появились небывалые прежде в России печатные книги по основам инженерных наук, создание которых было вызвано потребностями в подготовке специалистов по военному и морскому делу: это была знаменитая *Арифметика, сиречь Наука числительная* Леонтия Магницкого, а также *Таблицы логарифмов, синусов, тангенсов и секансов*, составленные А. Фарварсоном, С. Гвыном и Л. Магницким (обе вышли на Печатном дворе в 1703 году). Конечно, в основном такие издания были невелики по объему по сравнению с богослужбными и богословскими книгами, и не все из них издавались большими тиражами, а для некоторых масштабы тиражей остаются неизвестными. Тем не менее новые книги и брошюры были явно непросты для набора и полиграфического исполнения.

Несомненно, что значимыми книгоиздательскими новациями в те годы стали московские издания *Славяно-греко-латинского букваря* (1701) и *Лексикона трезычного* (1704). Для обоих учебных пособий значимость обусловлена несколькими факторами: явным влиянием на соответствующие книгоиздательские проекты образовательных идей братьев Лихудов; технологической сложностью, с которой прежде не сталкивались сотрудники Московского Печатного двора, а также долговременными последствиями выхода этих книг для культуры и образования в России. Оба эти издания связаны с трудами и административным положением одного из первых и лучших учеников Лихудов Федора Поликарпова. Выход в свет этих учебных пособий, составленных Поликарповым, можно воспринимать как первый этап новаций в типографском деле и подготовки к основному этапу реформы шрифта — введению гражданской печати²⁹.

Еще один пример издания с использованием греческого шрифта, которое также могло быть подготовлено к публикации только учениками Лихудов — это *История о разорении последнем Святого града Иерусалима* (Москва, 1713) (Быкова, Гуревич 1955, 138, №70). В конце издания, выполненного русским гражданским шрифтом, помещен греческий текст надписи на надгробии императора Константина Великого и интерпретация этого текста, приписываемая константинопольскому патриарху 1450–65 годов Геннадию Схоларию. Только при жизни Петра I эта книга дважды переиздавалась в Санкт-Петербурге.

²⁸ Подробнее об этом см., например: Живов 2002, 392–402, 478–81; Wortman 2006, 21–34.

²⁹ Подробнее об этом: Рамазанова 2022.

бурге (1716, 1723), и затем на протяжении XVIII века в петербургской типографии Академии наук выходила еще девять раз.

Таким образом, благодаря ученикам Лихудов стало возможно новое для России многоязычное книгопечатание, появившееся в Москве в 1701 году. Поколения бывших студентов Иоанникия и Софрония участвовали и в последующих этапах реформ в книгоиздательской сфере. Именно они работали над первыми изданиями гражданского шрифта, некоторые из которых впоследствии многократно переиздавались. Вместе с тем Лихуды и их воспитанники заложили основы ряда важных книгоиздательских проектов, реализованных десятилетия спустя уже другими книжниками. Пожалуй, наиболее показательным примером в этом отношении является редакторская и переводческая работа над текстами славянской Библии для ее подготовки к новому изданию. В этом многолетнем труде, начатом еще при Петре I, участвовали как сами Иоанникий и Софроний Лихуды, так и многие их ученики — Николай Семенов, Федор Поликарпов, Алексей Кирилов Барсов и Иван Григорьев, — которые своими совокупными трудами создали основу для полновесного издания Священного Писания, вышедшего спустя 11 лет после кончины последнего из них.

Итак, за биографиями и трудами нескольких поколений учеников Лихудов удастся увидеть единое социокультурное явление, во многом определившее развитие книжной культуры в стране.

Источники

Архивные материалы

Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Стб. 773 Столпик 3.

РГАДА. Ф. 235. Патриарший Казенный приказ. Оп. 2. Д. 111.

РГАДА. Ф. 235. Патриарший Казенный приказ. Оп. 2. Д. 118.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 67.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 86.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 88.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 89.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 92.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 93.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 94.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 98.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 99.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 102.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 4.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 9.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 12.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 18.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 21.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 24.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 29.

- РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 60.
 РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 66.
 РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 110
 РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 130
 РГАДА. Ф. 381. Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии.
 Оп. 1. № 1220
 Российская Национальная Библиотека (РНБ). Ф. 573. Собрание Санкт-Петербургской
 Духовной академии. Б. П.3
 РНБ. Ф. 573. Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии. П. 213.
 Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 299. Собрание Н. С. Тихонравова.
 № 204.
 РГБ. Ф. 711. Собрание А. П. Гранкова. № 74.

Старопечатные и другие издания

- ДРВ 1791: *Древняя российская вивлиофика*. Ч. XVI. Москва: В типографии Компании типографической.
 ОДАС 1868. *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода*. Т. I: 1542–1721 г. Санкт-Петербург: Синод. тип.
 ОДАС 1901. *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода*. Т. X: 1730 г. Санкт-Петербург: Синод. тип.
 ОДАС 1903 *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода*. Т. XI: 1731 г. Санкт-Петербург: Синод. тип.
 ОДАС 1902. *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода*. Т. XII. 1732 г. Санкт-Петербург: Синод. тип.
 ОДАС 1908. *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода*. Т. XX. 1740 г. Санкт-Петербург: Синод. тип.
 ПБПВ 1951. *Письма и бумаги императора Петра Великого*, 1951, т. 8, вып. 2, ред. Б. Б. Кафенгауз, Москва: Издательство Академии наук СССР.

Литература

- Белоброва, Ольга А. 1992. “Головин Николай Семенов.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1, отв. ред. Дмитрий С. Лихачев, 212. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
 Белоброва, Ольга А. 1993а. “Иосиф Афанасьев.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 2, ред. Д. М. Буланин, А. А. Турилов, 109–10. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
 Белоброва, Ольга А. 1993б. “Лихуды Иоанникий и Софроний.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 2, 304–05. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
 Браиловский, Сергей Н. 1894. “Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской Типографии.” *Журнал министерства народного просвещения ССХСV*, 9–12: 1–38.
 Буланина, Татьяна Вл. 1998. “Полетаев Федор Герасимов.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3, ред. Д.М. Буланин, 257–58. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
 Буланин, Дмитрий М. 2004а. “Библиографические дополнения к статьям, помещенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 3, части

- 1–3).” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4, ред. Д.М. Буланин, 320–833. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Буланин, Дмитрий М. 2004б. “Тимофей.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4., ред. Д.М. Буланин, 11–5. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Буланин, Дмитрий М. и Виктор К. Зиборов. 2004. “Федор Поликарпов Орлов.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4, ред. Д.М. Буланин, 105–30. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Буланин, Дмитрий М. и Марина А. Федотова. 2004. “Феолог.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4, ред. Д.М. Буланин, 148–51. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Быкова, Татьяна А. и Мирон М. Гуревич. 1955. *Описание изданий гражданской печати: 1708–январь 1725 г.* Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Вознесенская, Ирина А. 2001. “Николай Семенов Головин — духовный писатель конца XVII–начала XVIII века (проповедь как исторический источник).” В *Историография и источниковедение отечественной истории*. Сборник научных статей и сообщений, 36–41. Санкт-Петербург: Издательство Техника.
- Вознесенская, Ирина А. 2003. “Новые материалы для биографии Алексея Барсова.” В *Чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Материалы*, 12–5. Москва: Институт всеобщей истории.
- Вознесенская, Ирина А. 2004. *Греческие школы Иоанникия и Софрония Лихудов в начале XVIII века*. Кандидатская диссертация. Москва: Институт всеобщей истории.
- Вознесенская, Ирина А. 2005. “Новгородская школа братьев Лихудов.” *Новгородский исторический сборник* 10, 20: 205–35.
- Вознесенская, Ирина А. 2008. “Переводы с греческого языка в России в начале XVIII в.” В *Труды Отдела Древнерусской Литературы*. Т. 59, 363–68. Санкт-Петербург: Наука.
- Вознесенская, Ирина А. 2015. “Московская греческая школа Софрония Лихуда.” В *Россия и Христианский Восток*, вып. IV–V, отв. редактор Б.Л. Фонкич, 376–97. Москва: Языки славянской культуры.
- Гузевич, Дмитрий Ю. и Ирина Д. Гузевич. 2008. *Великое посольство: рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Гусева, Александра А. 2010. *Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации*. Москва: Издательство Индрик.
- Дадыкин, Антон В. 2007. “Приказ книгопечатного дела и сотрудники Московского печатного двора во второй половине XVII в.” В Поздеева И. В., Дадыкин А.В. и В. П. Пушков. *Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы*: в 3 кн. Кн. 1: 129–70. Москва: Наука.
- Живов, Виктор М. 2002. *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры.
- Запольская, Наталья Н. 1988. “П. В. Постников — выпускник Славяно-греко-латинской Академии (Некоторые материалы для биографии).” *Cyrrilomethodianum*, XII: 71–95.
- Запольская, Наталья Н. 1993. “Забытое имя — П. Постников: из истории русской культуры конца XVII — начала XVIII века.” *Palaeoslavica*, 1: 111–48.
- Зернова, Антонина С. 1958. *Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог*. Москва: Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.
- Крылов, Георгий, протоиер. 2009. *Книжная справа XVII века. Богослужebные Минеи*. Москва: Индрик.

- Поздеева, Ирина В., Дадыкин Антон В. и Виктор П. Пушкин 2007. *Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы*: в 3 кн. Кн. 2. Москва: Наука.
- Поляков, Иван А. 2022. “О новом списке русского перевода «Истории и описания Святой Земли и Святого града Иерусалима» иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотара.” В *Труды Отдела Древнерусской Литературы*. Т. 69, 538–51. Санкт-Петербург: Издательство «Пушкинский дом».
- Рамазанова, Джамия Н. 2006. “Книги из собрания справщика книгопечатного двора Николая Семенова Головина (к истории частных библиотек конца XVII – начала XVIII в.).” В *Румянцевские чтения: Материалы междунар. конф. Москва, 11-13 апр. 2006 г.*, 230-35. Москва: Пашков дом.
- Рамазанова, Джамия Н. 2008а. “Ученики Иоанникия и Софрония Лихудов в Славяно-греко-латинской Академии 1685–1694 гг.” В *Историография, источниковедение, история России X–XX вв.*, сост. Людмила А. Тимошина, 353–64. Москва: Языки славянских культур.
- Рамазанова, Джамия Н. 2008b. “«Четырехязычный лексикон» Герасима Влаха 1659 г. Новые материалы.” В *Книга. Исследования и материалы*. Сб. 88, ч. 2, 175–85. Москва: Наука.
- Рамазанова, Джамия Н. 2009. “«Трехязычный лексикон» Федора Поликарпова в собрании Музея книги Российской государственной библиотеки.” В *Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников*. Выпуск 1, отв. редактор А. Ю. Самарин, 156–76. Москва: Пашков дом.
- Рамазанова, Джамия Н. 2012. “Ученики Московской Славяно-греко-латинской Академии — работники Московского Печатного двора в конце XVII – начале XVIII в.” В *Федоровские чтения — 2011*, 118–26. Москва: Наука.
- Рамазанова, Джамия Н. 2013. “Неизвестные греческие рукописи круга учеников Лихудов (по материалам Национальной библиотеки Греции и Библиотеки Румынской Академии наук).” В *Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы Междунар. науч. конф. Москва, 27–28 февр. 2013 г.*, отв. ред. Борис А. Фонкич, 268–78. Москва: Институт всеобщей истории.
- Рамазанова, Джамия Н. 2014. “Переводы сочинений иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотары в русских списках XVIII в.” В *Специальные исторические дисциплины: сб. статей*. Вып. 1, отв. ред. Борис А. Фонкич, 322–30. Москва: Институт всеобщей истории.
- Рамазанова, Джамия Н. 2016. “Греческие списки сочинений Иоанникия и Софрония Лихудов из собрания Святогробской библиотеки и в описании А. И. Пападопуло-Керамевса.” В *Noctes Petropolitanae. Материалы конференции, посвященной столетию со дня кончины А. И. Пападопуло-Керамевса (1856–1912)*, отв. ред. Л. А. Гердт, М.А. Кисилиер, 98–110. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Рамазанова, Джамия Н. 2019. *Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697-1700 гг.)*. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Рамазанова, Джамия Н. 2020. “Государственный контроль и преподавательская свобода в школах братьев Лихудов в России конца XVII–начала XVIII в.” *Ученые записки Новгородского госуд. Университета им. Ярослава Мудрого* 5, 30: 1–4.
- Рамазанова, Джамия Н. 2022. “Многоязычное книгопечатание начала XVIII века как этап инновации петровского времени.” В *Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России»*. Москва, 17–19 мая 2022 г., 546–55. Москва: Центр гуманитарных инициатив.

- Рамазанова, Джамилия Н. 2023а. “Новые рукописи учеников Лихудовского круга: московский и новгородский периоды деятельности греческих дидаскалов.” *Saurus* 2, 1: 78–99. DOI: 10.34680/Saurus-2023-2(1)-78-99.
- Рамазанова, Джамилия Н. 2023б. “Рукописи учеников Иоанникия и Софрония Лихудов (новые данные).” *Кафедра византийской и новогреческой филологии. Научно-теоретический журнал* 17, 4: 25–41. DOI https://doi.org/10.52607/26587157_2023_17_25.
- Рыбалко, Наталья Вал. 2002. “Барсов Алексей Кириллович.” В *Православная энциклопедия*, IV, 354–55. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия».
- Сазонова, Лидия И. 1988. “Барсов Алексей Кириллович.” В *Словарь русских писателей XVIII века*. Том 1, отв. ред. А. М. Панченко, 62–4. Ленинград: Наука.
- Сазонова, Лидия И. 1993. “Кариион Истоминон.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 2: 140–52. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Салоники, Николай Вяч. и Константин Вал. Суториус. 2022. *Новгородские архиерейские школы. Сборник документов*. Т.1: 1706–727 гг. Великий Новгород: Гос. архив Новгородской обл.
- Серов, Дмитрий О., Видничук, Анастасия О., Жуковская, Анна Вал. и Игорь И. Федюкин, сост., науч. ред. 2023. *Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова (1700–1720-е годы)*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Сиромеха, Виталий Г. 1999. “Книжные справщики Печатного двора 2-й половины XVII в.” В *Старообрядчество в России (XVII–XX вв.)*, отв. редактор Елена М. Юхименко, 15–44. Москва: Языки русской культуры.
- Сменцовский, Михаил Н. 1899. “Значение Лихудов в истории русского церковного просвещения и церковной жизни.” *Богословский вестник* Т. III (11): 351–58.
- Смирнов, Сергей К. 1855. *История Московской Славяно-греко-латинской Академии*. Москва: Тип. В. Готье.
- Федотова, Марина А. 2005. *Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты*. Москва: Издательство Индрик.
- Федюкин, Игорь И. 2020. *Прожекторы: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Фонкич, Борис А. 2009. *Греко-славянские школы в Москве в XVII веке*. Москва: Языки славянской культуры.
- Хриссидис, Николаос. 2023. *Академия при царском дворе: греческие ученые и иезуитское образование в России раннего Нового времени*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Чистович, Илларион А. 1868. *Феофан Прокопович и его время*. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук.
- Шмурло, Евгений Ф. 1894. *П. В. Постников: Несколько данных для его биографии*. Юрьев: тип. К. Матисена.
- Яламас, Дмитрий А. 2001. *Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний. Дис. ... д-ра филол. наук*. Москва: МГУ.
- Яламас, Дмитрий А. 2001. “Произведение «О поэтическом или метрическом искусстве» братьев Лихудов и стихотворные упражнения учеников.” *Кафедра византийской и новогреческой филологии* 9: 37–57.
- Chrissidis, Nikolaos A. 2016. *An academy at the court of the tsars: Greek scholars and Jesuit education in early modern Russia*. DeKalb, Ill.: NIU press.

- Ramazanova, Dzhamilya N. 2014. "Slavonic-Greek-Latin Primer by Fedor Polikarpov (1701): History and sources of trilingual elementary education in Russia." *History of Education & Children's Literature* IX, 2: 59–70.
- Strakhov, Olga B. 1998. *The Byzantine Culture in Muscovite Rus': the case of Evfimii Chudovskii (1620–1705)*. Köln: Böhlau.
- Yalamas, Dmitry. A. 1991/1992. "The Students of the Leichoudis Brothers at the Slavo-Graeco-Latin Academy of Moscow." *Cyrrillomethodianum*. XV–XVI: 113–44.
- Wortman, Richard S. 2006. *Scenarios of power: myth and ceremony in Russian monarchy from Peter the Great to the abdication of Nicholas II*. New abridged one-volume paperback ed. Princeton and Oxford: Princeton University Press.